

Мира Форст



ВСЕ БИЛЕТЫ
ПРОДАНЫ

Мира Форст
Все билеты проданы

«Автор»

2026

Форст М.

Все билеты проданы / М. Форст — «Автор», 2026

Актриса Лизавета Васильевна Лаврентьева исчезла после нашумевшей театральной премьеры, где сыграла одну из главных ролей. Села в карету, назвав извозчику свой домашний адрес. Кучер утверждал, что довез пассажирку до дверей ее дома. Горничная актрисы подтвердила, хозяйка вернулась после спектакля и выглядела весьма довольной. Но наутро Лизавета Васильевна пропала. Купец Алексей Викулович Морозов, страстный коллекционер и собиратель старины, приобретает в антикварной лавке фарфоровую тарелочку с изображением красавицы, чрезвычайно похожей на пропавшую актрису. А спустя несколько дней, во время прогулки по Кузнецкому мосту, он узнает в одной из дам исчезнувшую два года назад Лаврентьеву.

© Форст М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. АКТРИСА	5
ГЛАВА 2. КУПЕЦ	9
ГЛАВА 3. ЛИЗАВЕТА	13
ГЛАВА 4. АЛЕКСЕЙ	15
ГЛАВА 5. ЛИЗАВЕТА	17
ГЛАВА 6. АЛЕКСЕЙ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мира Форст

Все билеты проданы

ГЛАВА 1. АКТРИСА

1900 год

– Лизавета Васильевна, голубушка, прекрасно выглядите, – поцеловал мне ручку Михайло Ипполитович. На самом-то деле наш любимый дирижер был Михаилом Михайловичем Ивановым, но придумал себе двойную фамилию – Ипполитов-Иванов, чтобы его не путали с композитором Ивановым, отчего вся актерская братия за глаза принялась звать его Михайло Ипполитовичем.

– Благодарю за комплимент, – скромно потупилась я, хотя в моем возрасте обычно уже не скромничают.

– И все-таки, Лизонька, в чем ваш секрет? – не он один задавал мне подобный вопрос. – Как можно в сорок выглядеть на двадцать? Я понимаю, вы не жаждете раскрывать рецепт молодости другим женщинам, не желая создавать себе конкуренции. Но меня-то, старика, уважьте.

– Вот вы меня сейчас обижаете, Михаил Михайлович. Вам самому сорок. И называете себя стариком... Выходит, я старуха? – деланно поджала губы.

– Ни в коем случае, дорогуща. – слегка смутился он. – Только не вы, Лизонька.

Мы стояли в пустом сейчас фойе театра Солодовникова, и я решила поторопить мужчину.

– Так зачем вы за мной послали, Михаил Михайлович? Мальчишка прибежал. Сказал, срочно желаете видеть.

– Да, Лизонька, срочно. Я тут решил внести небольшие поправки в наш спектакль. Придать побольше атмосферности. Но мне требуется ваше согласие.

– Поправки? – выгнула я бровь. – Перед генеральной репетицией? – в груди дрогнуло тревогой. В предстоящей премьере оперы «Сказка о царе Салтане» моя роль Царицы, жены Салтана, все отрепетировано до последнего штриха и вдруг – поправки. И для чего Ипполитовичу мое согласие?

– Именно. Я тут подумал... У нас же сказка. Декорации Врубеля – просто чудо. Но не хватает настоящего волшебства. Чтобы зрители прямо удивились и надолго запомнили.

– И что же вы предлагаете? – никак не могла представить, что он такого придумал.

– Да вот, был на днях на Трубной площади. Как всегда, торговля там идет бойкая, кого только нет, особенно, среди птиц. И щеглы тебе, и канарейки, соловьи, чижики. А уж котят и щенков сколько! Хотел соловья для реквизита приобрести. Да увидел мужика с щенками, словно волчатами. Один в один – волчонки. Лизонька, выйди в сцене на острове с таким волчком на руках. Зрители так и ахнут.

– Почему нет? – согласилась легко, уже представляя сенсационные газетные заголовки.

– Значит, согласна?

– Если вы, Михаил Михайлович, гарантируете, что это пес, а не волк, то согласна.

– Вот и славно. Только вы, голубушка, не признавайтесь в том никому, что собачку держали. Пусть все верят, будто волчонок. Я его завтра на репетицию принесу. Вместе посмотрим, как сцена получится.

Распрощавшись с руководителем постановки, выскользнула из здания театра. Афишные тумбы у самого входа извещали, что на премьеру все билеты проданы. Улыбнулась. Посмотреть на меня придут три тысячи сто зрителей. Ровно столько мест в пятиярусном зале.

Брать экипаж не стала, по Кузнецкому мосту надо гулять пешком. Где еще увидишь столько богатой и нарядной публики разом? Мне нравился блеск этой улицы с ее роскошными магазинами и яркими вывесками.



Меня узнавали. Оборачивались вслед. Женщины не скрывали завистливых взглядов. Мужчины – вожделенных. А как же иначе? Их всех волновали моя красота и «застывшая» молодость. Михайло Ипполитович интересовался моим секретом. Конечно, он у меня имеется. Но о нем знала только я, старый антиквар и несравненная мадам Жюдик.

С мадам Жюдик лично не была знакома, но пятнадцать лет назад я специально приезжала в Петербург во время ее гастролей, посмотреть на парижскую опереточную диву. Тогда по Невскому невозможно было протиснуться из-за поклонников примы. А ведь когда-то Анну Жюдик не хотели брать ни в одну оперу по причине неинтересной внешности и излишней полноты. В одночасье эта женщина вдруг стала неотразима.

В двадцать пять своей внешностью я была довольна, но первые морщинки уже появлялись, что и сподвигло меня искать встречи с француженкой. Увидеться с ней не удалось, но мне все равно несказанно повезло. Пользуясь знакомствами, я проникла за кулисы и, окрыленная успехом, постучалась в гримерку мадам.

Ответом стала тишина. С певицей я разминулась.

– Как жаль, – толкнула дверь, оказавшись в помещении, полном корзины с цветами.

– Творческий беспорядок, – огляделась, качая головой.

На спинке кресла – смятый халат. На гримерном столике – фантик от конфеты с эмблемой фабрики Абрикосовых.

– А это у нас что? – опустила на коленки, поднимая с пола исписанный лист писчей бумаги. Вероятно, он откуда-то вывалился, а мадам Жюдик не заметила.

– Написано по-французски, – улыбнулась, так как свободно владела этим языком.

Я уж было подумала, что передо мной текст роли, но это оказался обрывок письма, писанный Анной к сестре.

«Жюльет, сестрица. Побывала у петербургского антиквара Фельтена на Невском проспекте, но подобного, как у меня, зеркальца Челлини у него нет. Фельтен посоветовал заглянуть в лавку Какурина, что в Москве в Брюсовом переулке. Говорит, если в России и есть у кого что-то подобное, то лишь у него. Как закончу гастроль в Петербурге, побываю инкогнито в Москве, пошлю зеркальце для тебя.»

– Так это правда, – прошептала я, откладывая чужое письмо. – Выходит, зеркала, сделанные Челлини, вовсе не выдумка? Так вот в чем ваш секрет, мадам Жюдик.

Подхватив подол платья, побежала в гостиницу собираться раньше, чем планировала. Здесь мне больше делать было нечего. Я должна опередить Анну и первой оказаться в Брюсовом переулке.

– Извини, неведомая Жюльет, но зеркальце достанется мне, а не тебе.

На вокзале повезло обменять билет, и всю дорогу мысленно я подгоняла поезд. В голове так и крутилась байка, рассказанная классной дамой девочкам в женском пансионе Дюмушель, где я училась.

– Жил такой итальянский ювелир Бенвенуто Челлини, – всегда увлекательно вела свои уроки учительница изящных искусств. – Работал при дворе Франциска I и чем-то не угодил фаворитке короля герцогине д'Этамп. Да так не угодил, что герцогиня подслала к нему убийцу. Однако другая женщина, возлюбленная сына Франциска – Диана де Пуатье, помогла Челлини тайком бежать из Франции. В награду за спасение мастер создал для нее волшебное зеркало. Посмотришься в него, и оно дает смотрящему небывалую красоту.

– Вот бы мне такое зеркальце! – первой воскликнула толстуха Катрин Шемякина.

– И мне! И мне! – заголосили другие девочки, в том числе и я.

– Как знать..., – загадочно улыбнулась Мария Филипповна. – Может быть, однажды кому-то из вас и попадет в руки старинное зеркальце работы самого Челлини.

Ту историю я слышала, когда мне исполнилось четырнадцать или пятнадцать, я почти позабыла о ней, а вот теперь, прочтя письмо Анны к Жюльет, она всплыла в моей голове до мельчайших подробностей.

Прибыв в Москву, села в тот дилижанс, чей маршрут пролегал через Брюсов переулок.

Лавку антиквара Какурина нашла благодаря вывеске. Тяжелая дверь была не заперта, но внутри стоял полумрак, ни единой зажженной лампы, а дневному свету не удавалось проникнуть хозяином в помещение из-за плотно задернутых штор.

– Чем интересуетесь? – проскрипел старческий голос.

Его обладателя я едва могла разглядеть. Видела лишь силуэт. Старик стоял на ступенях витиеватой лестницы, ведущей на второй этаж, вероятно, в жилые комнаты.

– Зеркальце, – звенел мой голос от напряжения и ожидания чуда. – Зеркальце работы Челлини.

Повисшая томительная пауза могла означать как отказ, так и размышление.

– Найдешь – оно твоё, – наконец сказал он.

ГЛАВА 2. КУПЕЦ

1902 год

– Алексей Викулович, чем тебе наша Мари не пара? – после обсуждения биржевых дел, как бы невзначай перевел мой гость беседу в иное русло. – Скромная. Пригожая. Будет тебе женой верной. Может, посватаешься? Объединим два славных купеческих рода, соединим капиталы.

– Полноте, Игнат Лаврентьевич, – отмахнулся от доуки. – Зачем я вам такой необразованный? Пойдемте, лучше покажу, какой я давеча фарфор у Рябушинского прикупил. Фигурка «Пастух и пастушка» завода Гарднера.

Игнат Лаврентьевич послушно поднялся с кресла, не подозревая о том, что я принимаю его в комнате для нежеланных визитеров. Была у меня такая шутка – деловых партнеров провозжать в комнату для сделок, кого хотел видеть, пожалуйста в гостиную, а для таких вот, желающих породниться с Морозовыми – сюда.

Мы пришли в небольшой зал, где в шкафчике, выполненном на заказ, хранились у меня новые, еще не описанные для каталога поступления.

– Гляди, дорогой, – бережно вынул композицию, имевшую производственный брак, где дерево наклонилось, постамент покоробился и дал трещину из-за неудачного обжига, еще и цвет формы поменялся на желтовато-серый оттенок. – Пятьсот рубликов уплатил.

– Пятьсот? – округлились глаза собеседника. – Так с изъяном товар-то...

– Оттого и ценится больше, Игнат Лаврентьевич. Скорее всего, это одно из самых ранних изделий завода, – объяснил ему значимость фигуры.

– А говоришь, необразованный, Алексей Викулович, – пожурили меня. – Так как насчет моей Мари? – вернулся он к пристрою дочери.

– Нет у меня в планах женитьбы, – не стал обнадеживать понапрасну, аккуратно убрал «Пастуха и пастушку» обратно и, не боясь показаться грубым, сказал: – Провожу, Игнат Лаврентьевич. Дела.

Он нехотя проследовал за мной к выходу.

– Дом у тебя красивый, Алексей Викулович, – обвел гость оценивающим взглядом вестибюль, расписанный в египетском стиле. Наверняка не оставлял надежд являться сюда на правах тестя.

– Согласен, – гордился я своим особняком в Введенском переулке, купленном у Плавильщиковых и переделанном под собственные вкусы. Для его оформления я нанял самого Федора Шехтеля и умницу Мишу Врубеля. Все здесь было особенным, вплоть до освещения и оконной фурнитуры.

Спровадив отца Мари, внешность которой припоминалась смутно, засобиравшись в «Русский магазин» на Кузнецком мосту. Прислали мне записочку, что появился у них фарфор, который может меня заинтересовать.

Накинув пиджак, задержался возле массивного зеркала. Такого же массивного, как и я сам. Правы, конечно, все эти папаши, купцы да графы, что едва ли не ежедневно сватают мне своих прелестниц, зачастую девиц именитых, красавиц настоящих.

Жена нужна, дети. Не молодею я. Сорок пять годков стукнуло. Вот и седой волос в бородке виднеется, и складка меж бровей залегла, не распрямится уже.



Но... стыдно признаться, стеснялся я как-то барышень великосветских. И это при моей-то внушительной комплекции. Слишком умные они все, в пансионах учились, языками владеют. А я что? Даже среднего образования не окончил, отец к бизнесу семейному с малых лет

подключил – неделю в московской конторе, неделю на Никольской мануфактуре. Какая тут учеба при таком труде?

С женщинами легкого поведения было легко, им моя грамотность ни к чему. Но не звать же замуж такую, в самом-то деле...

Вышел на улицу и мысли о женщинах быстро выветрились из головы, вернувшись к привычным думам. Постоянно и со страстью мог думать я лишь об одном – собирательстве редкостей.

Смерть батюшки освободила меня, развязала руки, позволила отойти от коммерсантских дел, к которым я так и не прикипел.

При жизни отца мог лишь мечтать об освобождении от делового ига. А два года назад, покончив со всеми хлопотами, связанными с наследством и завещанием, оставил мануфактуру, передав полномочия управления ею брату Ивану. И теперь, не испытывая никаких финансовых проблем, мог заниматься тем, чего действительно люблю – коллекционированием. Мое собрание икон, гравюр и фарфора увеличивается, разрастается, становится значительным.

До Кузнецкого отправился пешком. Сентябрь стоял теплым, солнце золотило округу, легкий ветерок приятно обдувал лицо, в такую погоду получасовая прогулка никак не может быть утомительной.

– Добро пожаловать, Алексей Викулович, – встретил меня в лавке знакомый продавец. – Хорошо, что зашли. Отложил для вас кое-что. Не показывал еще никому.

Привычные нетерпение и предвкушение охватили от макушки до самых кончиков пальцев. Интуиция подсказывала, что продадут нечто стоящее.

– Показывайте, – нетерпеливо побарабанил пальцами по прилавку.

– Вот, – развернул лавочник газетную бумагу и извлек из нее фарфоровую тарелочку. – Работа завода Сафроновых. Ограниченная серия. Портреты актеров театра Солодовникова. Я подумал, вас именно эта заинтересует.

Со всей осторожностью взял тарелочку в руки. Актрису на рисунке узнал сразу. И имя ее помнил. Лизвета Лаврентьева. Нашумевшая премьера два года назад в театре, который здесь же на Кузнецком. Актриса тогда вышла на сцену с самым настоящим волчонком на руках. Смотрелось невероятно эффектно, особенно в антураже сказочных декораций Врубеля. Был я на том спектакле с братом Михаилом и его женой Варварой Александровной.



– Узнаете? Та самая актриса, что пропала, – таинственно произнес торговец.

ГЛАВА 3. ЛИЗАВЕТА

Премьера прошла великолепно. Перед выходом на сцену от всех исполнителей пахло валерьянкой, у Михайло Ипполитовича дрожали коленки. Все, как и полагается в минуты сильнейшего волнения. Но, стоило выйти на сцену, липкие страхи сами собой испарялись, уступая место тому необыкновенному волшебству, что ощущает любой актер, представший хотя бы однажды перед публикой.

Задумка нашего руководителя добавить колоритности и зрелищности в виде живого песика удалась на все сто процентов. Ну, то, что это песик, знали лишь мы с Ивановым, внешне – прям натуральный волчонка. Я назвала его Гвидоном. Гвидон вел себя послушно, облизывал мне руки и во время спектакля был очень смирным. И так я к нему прикипела, что после финального поклона взмолилась:

– Михаил Михайлович, отдайте мне собачку. Пусть со мной в доме живет.

– Лизавета Васильевна, голубушка, вы бы лучше мужа дома поселили, а не собаку, – вздохнул дирижер, печалась о моей бабьей судьбе. – Но, раз уж так нравится животины, заберите, конечно.

Чмокнула мужчину в щеку и ушла в гримерку, которая была у нас с другими актрисами общей. Сюда уже нанесли цветочные корзины, с вложенными в них карточками от дарителей.

Переодевая сценический наряд в свое платье, прислушивалась к женской болтовне, не имеющей отношения к только что отыгранному представлению. Обычное дело, так мы переключались к обыденной жизни, а то бывали случаи, вживался кто-нибудь из актеров в свою роль накрепко и к реальности уже не возвращался, так и ходили по улицам, воображая царев, да королевишн. Сколько таких в лечебнице для умалишенных... и не счесть.

– На спиритический сеанс позвали, – посвятила в свои планы Глафира Тихоновна. – Татьяна говорит, стол какой-то особенный купили, с подсветкой. Призраки так и притягиваются.

– Да что их притягивать, – натянула башмак на узкую ножку Людочка Рябинина. – Они по Кузнецкому мосту и без спиритического сеанса всякого шляют. Мой сосед с сапожной мастерской давеча своими глазами видал.

– А я слыхала, Ванька-Каин опять объявился под Каменным мостом, – зловеще произнесла Анастасия Терлецкая.

– Помер он. Сто годков назад, как помер, – покачала головой Глафира.

– Вот именно, – нагнетала Настасья. – Помер. А все возвращается, народ пугает. Лизавета Васильевна, ты ведь у нас на Москворецкой живешь. Мост-то недалече, под которым упырь хоронится. Не ходи там одна-то, вечерами особливо.

– Не буду ходить, – засмеялась, пребывая в радостном настроении после премьеры и оттого, что собачонку мне подарили.

Театр покинула со двора, пряча под плащом Гвидошу. Поклонники и сюда пробрались. На колени бухаются. Ручки целуют. В любви признаются. Рублики суют. И студенты тут, и мужчины солидные. Я всем улыбаюсь, а сама спешу к поджидающему экипажу. Знаю я всех этих поклонников. Проходила. Разочаровалась. Женщину красивую подле себя хотят видеть, время приятно проводить, перед другими мужчинами хвастаться. А жениться на актрисе и не хочет никто, мол, зачем такая жена, которая себя публике дарит, а не мужу.

Лошадки бегут бодро, и через десять минут я уже дома. Дом у меня небольшой, никак не особняк, но зато свой собственный. И горничная имеется. И даже повариху себе приходящую позволяю.

– Все ли хорошо прошло, Лизавета Васильевна? – спрашивается Маруся, прислуживающая мне.

– Аншлаг, – вынимаю из-под плаща Гвидона.

– Волк! – завопила горничная.

– Маруська, собачка это. Щенок, – хохочу над глупой девкой.

– Точно собачка? – боязливо выглядывает она в сени.

– Стала бы я волка домой тащить. Погладь, – и сама глажу песика за ушком.

Маруся едва дотрагивается до жесткой шерстки и тут же одергивает руку, все равно боится.

– Лизавета Васильевна, отпроситься хочу. Маменьке нездоровится. Пустите? Утром прибегу обратно. Ужин на столе вас ждет. На завтрак пироги повариха оставила.

– Иди, Маруся. Иди. Обойдусь как-нибудь без тебя, – не покидает меня чудесное настроение. – Понадобятся лекарства, скажи. Куплю твоей маменьке.

– Вы очень добры, Лизавета Васильевна, – схватывает она с крючка свое легкое пальтишко и мигом исчезает.

Я же ставлю собаку на дощатый пол, развязываю завязки капюшона под горлом.

– Что, Гвидон? Пошли, дом покажу?

Но вместо того, чтобы, виляя куцым хвостом, бежать за мной, пес умудряется толкнуть незапертую еще на замок входную дверь и дает деру.

– Гвидон, стой! – выскакиваю за ним, да в него словно бес вселился, несется не пойми куда.

Серый мех сливается с вечерним сумраком, но зажженные газовые фонари помогают мне не потерять его из виду.

Бегу по облицованной камнем Москворецкой набережной, справа спуск к реке, устроенный для водовозов, украшенный каменными быками. Несмотря на высаженные голландские липы, пахнет здесь плохо, пылью и кислой капустой, которую тут продают в постные дни вместе с сушеными грибными вязками.

Гвидон сворачивает в сторону бань купца Горячева. Вокруг бань грязь чудовищная. И, если на набережной и люди шли, и конки показывались, здесь ни души не видно. За банями этими Волчья долина, куда добропорядочные граждане не ходят, слишком местность неблагополучная, вроде там и притон, и трактир имеется, хотя сейчас никакого разгула не слышно.

Мне бы остановиться, да обратно уйти. Но как же жалко Гвидона, пропадет ведь на улице такой малыш.

Бежать уже тяжело, дышу громко, это внешне-то я двадцатилетняя, а на деле-то сорок годков, не могу ланью уже бегать. О воре Ваньке Каине вспомнилось, которым Настя Терлецкая пугала. А ведь вот он и мост тот Каменный, прямо перед глазами.

Нет, точно поворачивать надо. Я уж было отказалась от погони, как увидела, что Гвидон остановился. Видимо, тоже выдохся. Сидит на кучке листвы, лапу лижет.

– Ну, мальчик, какой же ты прыткий оказался. Придется тебя на цепи держать, – делаю шаг к щенку, а листва подо мной проваливается, и лечу я в яму.

ГЛАВА 4. АЛЕКСЕЙ

– Варвара Александровна, выменяй мне эту фигуру странника, – предпринял еще одну попытку договориться с женой брата.

Варвара не так давно, глядя на меня, тоже принялась собирать изящные фарфоровые фигурки, в основном мелкую фарфоровую пластику русских заводов. И теперь меж нами существовало некое соревнование, кто быстрее найдет и завладеет чем-то более ценным или интересным.

– Дорогой деверь, – важно выпрямила она спину. – Зачем вам странник? У вас уже имеется целых семь странников.

– Так они все в разных вариантах исполнения. И если вы, голубушка, уступите мне еще одну, у меня станет восемь вариаций.

– Нет, – упрямылась женщина.

– А если я взамен покажу фальшивку в вашей коллекции, Варенька? – сменил тактику.

– Фальшивку!?! – ожидаемо возмутилась и изумилась Варвара. – Вы меня обманываете, Алексей, – недоверчиво произнесла она, но было видно, что разволновалась. Какому коллекционеру понравится, что его облапошили?

– Помилуйте, дорогуша. У меня глаз наметан. Подделку я отличаю, достаточно мне раз взглянуть на изделие, – было это чистой правдой.

– Хорошо, – не хотела прослыть Варвара Александровна некомпетентной среди именитых московских собирателей. – Меняю странника на информацию.

Я бы и без шантажа указал ей на пусть и искусную, но все ж таки копию, да ее несговорчивость не оставила мне выбора.

Ушел я от нее с заветной фигуркой.

Придя домой, поместил восьмого странника к остальным в витрину шкафа красного дерева, намереваясь сегодня же вечером вписать в каталог, над которым трудился, систематизируя все свои приобретения в хронологическом порядке. Мой взгляд будто сам собой переместился на шкаф карельской березы, куда я поставил фарфоровую тарелочку, купленную на днях.

Не удержался, открыл витрину и взял тарелку в руки, провел подушечкой указательного пальца по контуру рисунка. Портрет так и гипнотизировал, притягивал странно.

– Что же с тобой случилось, Лизавета Васильевна? – все смотрел и смотрел на нарисованную актрису.

Я хорошо помнил ту историю. О ней писали во всех газетах. Сначала трубили о грандиозном успехе премьеры, затем, спустя некоторое время, громкие заголовки об исчезновении Лаврентьевой, которая пропала либо сразу после премьеры, либо утром следующего дня, когда горничная не обнаружила хозяйку дома. В актерской среде отзывались о Лизавете с теплотой, любили ее за незаносчивость, веселый и добрый нрав, отмечали феноменальную молодость, при том, что диве уже стукнуло сорок годков.

– Выходит, сейчас тебе бы исполнилось сорок два, Лизонька, – позволил себе вольность в обращении, так как никто меня не слышал.

Не сказал бы, что в опере «О Салтане» пение Лизаветы произвело на меня неизгладимое впечатление, но привлекла она меня тогда невероятной женственностью и сверкающим взором. Она была из тех женщин, которым хочется обернуться вслед и вовсе не из-за неземной красоты, а просто бывают такие люди, что неосознанно жаждешь обогреться в их тепле и свете.

– Совсем я что ли свихнулся? – потряс головой и убрал тарелочку на место. – Первые красавицы столицы заглядываются на меня, ищут моего общества, а я думаю об исчезнувшей актрисе с фарфоровой тарелки.

Перед тем, как отправиться обедать в «Эрмитаж», заглянул в зал икон, убедиться, чтоб температура в помещении не упала, что может навредить росписи. Здесь у меня хранились фамильные реликвии, среди которых бесценные, подаренные дедом – Деисус работы царского изографа Прокопия Чирина и «Умиление», возможно, кисти самого Рублёва.

Иконы я тоже собирал, но, если с фарфором мало кому со мной конкурировать, то за иконами охотились практически все, кто мог платить. У тех же Рябушинских и Харитоненко такие большие коллекции, что вызывает зависть.

– Зато у меня все образа в едином новгородском стиле, – похвалил сам себя.

До ресторана добрался в личном экипаже и отпустил кучера, намереваясь после трапезы прогулять пешком. Раздобрел за последние годы, надо бы сбросить вес.

Обедал я тут часто, нравилось, как готовит тамошний повар. Правда, сегодня мое приятное одиночество было нарушено известным мне дворянином.

– Алексей Викулович, угостите потомка славного обнищавшего рода, – подсел за мой столик и принялся бессовестно клянчить аристократ, промотавший в карточной игре все состояние своего славного рода.

А ведь совсем недавно все эти дворянчики насмеялись над купчишками, как презрительно они называли наше сословие. Но пока аристократы плясали на балах, да выжимали последние соки из крепостных, купцы строили фабрики и заводы, поднимали промышленность, укрепляли рубль, и теперь вот неизвестно, кто над кем должен насмеяться.

– Угощу, но без выпивки, – строгое старообрядческое воспитание не позволяло мне ни пить самому, ни спаивать других.

Дворянчик заскучал, но пустой желудок не позволил ему привередничать.

Весь обед он разглагольствовал.

– А вот знали вы, уважаемый, что раньше-то на этом месте пустырь был?

Вопрос задавался риторически, потому, как монолог продолжился.

– Болото натуральное. Лягушки в нем квакали. Сам слышал лягух этих. А потом здесь повар Оливье ресторан модный открыл. Все дворяне сюда хлынули. Славное было времечко. Теперь – не то совсем. Публика в «Эрмитаже» не та.

Кое-как отделавшись от навязчивого собеседника и дармоеда, отправился на Кузнецкий мост. Хотелось взглянуть на афиши театра Солодовникова, прошел слух, что там вновь планируют устроить киносеанс.

Еще не дойдя до афишного столба увидел возле него... Лизавету Васильевну Лаврентьеву.

– Быть не может. Нашлась? – сам и не понял, отчего обрадовался так.

Только, что за странность? Столько людей мимо проходит, а не один возле пропавшей два года назад актрисы не останавливается. Неужели не узнают? Точно она ведь. Белые волосы струятся по плечам, словно шелк, глаза синевы необыкновенной, губы сочные, прямо вишенки.

– Лизавета Васильевна? – остановился возле.

Она уставилась на меня, будто я был привидением каким или призраком, и вдруг спросила:

– А вы что, меня видите?

ГЛАВА 5. ЛИЗАБЕТА

Вот казалось бы, ну упала я в яму. Что такого? Можно выбраться самостоятельно или позвать на помощь. Но моя яма оказалась какой-то неправильной, потому что падение длилось слишком долго. Зацепиться за комья земли, как-то задержать свой полет в бездну не получалось, слишком велика была моя скорость. Неба перед глазами я уже не видела, только хвост Гвидона, пес валился в пропасть вслед за мной.

– Господи Иисусе Христе, – зашептала молитву, да обстоятельства не способствовали сосредоточенности на слове Божьем.

Происходило что-то странное, не поддающееся никакому объяснению. Вряд ли я умерла, ведь при падении не ударялась так, чтобы дух выбило, вообще не ударялась, сразу вниз полетела и не остановилась никак. Чудесное объяснение, что я, может быть, сплю, тоже не подходило. В моем доме приятно пахло деревом и фиалковыми духами, покупаемыми мною в магазинчике при фабрике духов Альфонса Ралле в Хамовниках. А в этом тесном и, кажется, бесконечном пространстве запах затхлый, пыльный.

– Все когда-нибудь кончается. Закончится и это, – утешала саму себя, хотя, как тут утешиться, когда в голове кровавая картинка моего столкновения с твердой поверхностью.

Но приземлилась я на удивление легко и мягко. Рядом плюхнулась собачонка.

– Ну и где мы, Гвидон? – оглядывалась в полной темноте. Щенок, поскуливая, забрался ко мне на колени. – Испугался? – погладила его по спинке.

Слух уловил менторский голос, так скучно говорят обычно учителя, не умеющие превратить лекцию в увлекательное путешествие.

Протянула руку, расстояние до стены минимальное, причем со всех сторон. Удобное положение лишь полусидя, разлечься в полный рост не получится, а вот встать вполне, но только по центру. И это натолкнуло меня на мысль.

– Гвидош, уж не в печи ли мы? – начала активнее шарить по стенам в поисках заглушки.

В одном месте преграда поддалась и вылетела наружу, увлекая меня за собой.

Я рухнула на фигурно выложенный паркет и теперь вот хорошо так приложилась плечом. Наверняка синяк образуется. Мягкие лапы соприкоснулись с полом у самого моего носа, хвост вильнул, закрывая на миг обзор.

Менторский голос стих. Ему на смену пришли незнакомые щелкающие звуки.

Подняла голову, не зная, чего и ожидать.

Группа людей. Ближе ко мне стоит женщина с угольно-черными волосами, обрезанными у самых ушей. На ней серое платье в клетку. Таких фасонов мне видеть еще не доводилось. Оно какое-то простое что ли... Но незнакомка хотя бы в платье. Потому что некоторые другие дамы, которые сейчас с огромным любопытством разглядывали меня, вообще оделись в брюки. Брюки! Всего тут примерно человек двадцать, мужчин и женщин, некоторые из них щелкали странными плоскими приборами, направленными на нас с Гвидоном.

Всеобщее замешательство длилось пару секунд, потом все, кроме черноволосой, необычайно оживились и начали говорить, перебивая друг друга. Значения некоторых слов от меня ускользали, но в целом понятно.

– О! Экскурсия с интерактивными элементами!

– Какой у девушки наряд! Из эпохи Морозова, да?

– А прическа! Боже. Мне даже на свадьбу подобную не соорудили.

– Сапожки-то каковы!

– Вывалиться прямо из печи! Замечательный ход!

– А как они туда поместились?

– Не зря пришли.

– Совсем с ума сошли, девушку с волком в печь запихивать.

– А это кто, волк?

Я поднялась, собираясь стряхнуть с себя золу, но золы не было, мой серебристый плащ, подбитый горностаевым мехом, как и голубое атласное платье, оставались чистыми.

– Не волк. Собака, – ответила остроносому мужчине.

– Хаски значит, – сделал он свои выводы.

Тут в себя пришла женщина в клетчатом платье. Видимо, она у них главная, так как менторский тон принадлежал именно ей.

– Так, группа! Возвращаемся к экскурсии. Как вы уже поняли, печь декоративная. Посмотрите, не изразцы, а лепнина, – тараторила дама, сверля меня недружелюбным взглядом.

– Печь бутафорская, – подталкивала она группу к выходу. – На самом деле печь служила Алексею Викуловичу сейфом. Весь интерьер его дома был призван удивлять, как в прошлом, так и сейчас. Обратите внимание на потолок с декоративными элементами в виде шахмат. А теперь, пройдемте в самую скромную комнату особняка, отделанную гипсом и яшмовым камнем.

– А сфотографироваться с актрисой можно?

– Съемка с актерами платная. Тысяча рублей, – отрезала училка.

– Чего так дорого? – никто не пожелал раскошелиться на кругленькую сумму.

– Ждем меня в яшмовой комнате, – велела главная. – Рассмотрите пока повнимательнее яшмовый камин. Он с секретом. Я скоро подойду, – захлопнула она дверь, оставаясь со мной наедине.

Ее ноздри гневно раздувались. Указательный палец нацелен на меня острым ногтем. Какие интересные у нее ногти, я такого еще не видела, чтобы на ногтевой пластине алой краской алело.

– Ты кто такая?! – потребовала она ответ, а я прочла на прямоугольной броши, прикрепленной к карману на груди ее платья: «*Кулецкая Анна Романовна. Аккредитованный экскурсовод*». Оригинальный способ сообщать о своем имени.

– Лизавета Васильевна Лаврентьева, – радовалась тому, что жива, а со странностями как-нибудь разберусь. – Актриса.

– Актриса? – сменилось подозрение в глазах Анны Романовны на сомнение. – Так вас Станислав Сергеевич пригласил?

Кивнула осторожно.

– Почему меня не предупредили? – вновь разгневалась Кулецкая. – Я чуть с инфарктом не свалилась, когда ты из печи вывалилась. Еще и с волком. С хаски, – поправилась она, покосившись на улегшегося у моих ног Гвидона. – Эффектно, конечно. Но все равно я обижена. Опять Станислав Сергеевич чудит. Вечно чего-нибудь придумает такое этакое. Пойдем-ка, Лиза, к нему. Пусть скажет, что все это значит.

Мы с ней вышли из светлой, почти пустой комнаты, спустились по парадной лестнице, свернули налево, в коридор, где на стену была наклеена стрелка-указатель с надписью «*Администрация*», прошли небольшой переход-галерею и остановились у двери с табличкой «*Директор*».

ГЛАВА 6. АЛЕКСЕЙ

Ее вопрос привел меня в некое замешательство. Внимательно посмотрел на Лаврентьеву. Может быть, у актрисы не все в порядке с головой, и она все это время никуда не пропадала, а просто находилась в психиатрической клинике? Например, родственники или дирекция театра не захотели распространяться о таком, потому придумали историю с исчезновением.

– А почему я должен вас не видеть? – спросил осторожно.

– Потому что другие не видят, Алексей Викулович, – назвала она меня по имени. – Я тут два года уже брожу, вы первый, кто заметил.

Теперь задумался о своем душевном здравии. Могло ли случиться так, что и меня настиг недуг, которым страдали некоторые представители рода Морозовых? К сожалению, психические среди нас имелись, из-за чего одна из статей благотворительности в Морозовских текстильных фабриках шла на содержание психиатрических лечебниц и поддержку исследований, изучающих отклонения головного мозга.

– Вы знаете мое имя, – спрятал руки в карманы пальто, купленным мною в Лондоне, когда однажды бродил после завтрака по улочкам туманного города, отыскивая гравюры. Нашел тогда весьма редкий и ценный лист черной манеры, за который просили тридцать фунтов.

– Я знаю о вас больше, чем вы можете сами вообразить о себе, – загадочно произнесла Лизавета Васильевна, а я вдруг осознал, что, несмотря на странность нашего общения, меня пленяет ее нежный голос и дивные синие глаза. Что ж..., если мы оба потеряли рассудок, возможно, в ее компании это будет не так печально.

У дверей театра остановилась конка. Из нее выбрался знакомый мне билетер. Мужчина поприветствовал меня и скрылся в здании, ни разу не взглянув на Лаврентьеву, хотя она стояла так, что не заметить ее было бы просто невозможно.

– Теперь убедились, Алексей Викулович? – разглядывала меня красавица так же тщательно, как и я ее.

– Пожалуй, – кивнул согласно, игнорировать поведение билетера было бы неверно. – Так вы, что же, призрак, Лизавета Васильевна? – как и все москвичи, слышал я истории о призраках, шастающих по Кузнецкому мосту. Только, если эта женщина была призраком, она совершила полный переворот в моих представлениях о потустороннем мире. Слишком реальна. От нее даже пахло приятно – медом и рахат-лукумом.

Мне захотелось дотронуться до нее. Пройдет ли моя рука сквозь нее? Я, конечно, сдержал порыв. Это было бы слишком невежливо с моей стороны, тыкать в нее пальцами.

– Не знаю, – пожала она плечами.

– Не знаете? – все больше увлекала меня наша беседа, но стоило, наверное, куда-то переместиться, чтобы не казалось странным, что я тут простаиваю и болтаю сам с собой, место-то не укромное, публики достаточно.

– Очень длинная история, – неопределенно сказала Елизавета. – Но призраком себя все же не считаю, потому что живу теперь в будущем. Кстати, работаю гардеробщицей в вашем доме в Подсосенском переулке. Там теперь музей.

– В Подсосенском переулке? – недоуменно посмотрел на нее. – Это где же такой?

– Бывший Введенский. Переименовали, – пояснила она.

– Знаете, Лиза... Могу я вас так называть?

– Можете, – мило улыбнулась она.

– Так вот, Лиза, приглашаю вас в гости в свой дом во Введенском переулке. Там и поговорим.

– Отличная идея. А то на вас уже оборачиваться начинают, – блеснули лукавым блеском ее глаза. – Можно взять вас под руку, Алексей? – последовала она моему примеру, избавившись от отчества.

– Конечно, – оттопырил я локоть, давая ей возможность уцепиться за меня. Ее рука была теплой и слишком хорошо ощущалась. Если Лиза и была призраком, то каким-то ненастоящим.

Мне так не терпелось продолжить говорить с ней, что я отказался от пешей прогулки, дабы не прослыть чудаком среди москвичей, и подвел Лизоньку к стоянке извозчиков. Выбрал закрытую карету и оплатил кучеру вперед, накиннув сверху.

– Будьте здоровы, барин, – довольно огладил длинную бороду извозчик. – Работы нынче мало становится. Все на конках разъезжают, да на трумвае. Бывает, целый день простаиваем. Не то, что в былые времена, когда даже горло некогда было промочить до самого вечера.

Моя спутница юркнула в экипаж, подхватив полы длинного плаща, и я успел заметить штанины. Она в брюках? Все интереснее и интереснее. Давно не испытывал подобного волнения в обществе противоположного пола. Я женщин побаивался немного, сторонился даже. А с этой загадочной особой было как-то легко и свободно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.